

Александр Левитов

Нравы московских девственных улиц



Александр Левитов

**Нравы московских
девственных улиц**

«Public Domain»

1864

Левитов А. И.

Нравы московских девственных улиц / А. И. Левитов — «Public Domain», 1864

«Иван Сизой матушке Москве белокаменной, по долгом странствовании вне ее, здоровья желает, всем ее широким четырем сторонам низкий поклон отдает. Год с лишком шатался я по разным местам, а все нигде не видал того, что я так люблю в Москве, – это ее глухих, отдаленных от центра города улиц, которые давно как-то назвал девственными, с их, так влекущей к себе сердце мое, поразительной и своеобразною бедностью...»

Содержание

I	5
II	6
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Александр Иванович Левитов

Нравы московских девственных улиц¹

Писано, памятуя о погибающем друге.

I

Иван Сизой матушке Москве белокаменной, по долгом странствовании вне ее, здоровья желает, всем ее широким четырем сторонам низкий поклон отдает.

Год с лишком шатался я по разным местам, а все нигде не видал того, что я так люблю в Москве, – это ее глухих, отдаленных от центра города улиц, которые давно как-то назвал девственными, с их, так влекущей к себе сердце мое, поразительной и своеобразною бедностью.

Конечно, этого добра, то есть бедности, нам не занимать стать, и, как я сказал уже, больше года шатаясь по деревням и селам, по городам и красным пригородам, я имел-таки немало случаев видеть голод и холод в мещанских хороминах, молчаливое и безустанно работающее уныние в мужицких избах; но это что же за бедность? Лица не московские, пораженные этою болезнью, не живые лица, а как бы каменные статуи, изображающие собою беспредельное горе, и я только плачу втихомолку, когда такая статуя окинет меня своими впалыми, без малейшего признака слез, глазами. Плачу, говорю, и вместе с тем глубоко страдаю от той нравственной боли, которою всегда уязвляют мою душу эти глаза, ибо в них мои собственные глаза имеют способность читать такого рода красноречивую вещь:

– Ты, брат, тово, не гляди лучше на меня, – мне и без тебя тошно. Мало ты мне, друг, утехи своим гляденьем даешь. Ты бы там иначе как-нибудь для меня порадел...

Всякий своею похотью влеком и прельщаем; следовательно, и я, как всякий, имею свою похоть, то есть болею при виде бедности немосковской; ибо она молчалива и убита, ибо трудно ей спророчить, когда она разбогатеет и хоть сколько-нибудь оживет. Напротив, бедность московских девственных улиц меня радует даже, потому что она рычит и щетинится, когда ей покажется не очень просторно и не очень сытно в ее темных и тесных берлогах, – в каковых движениях жизни я замечаю несомненные признаки того, что бедность эта скоро поправится и разбогатеет, хотя, может быть, и не вдруг, хотя богатства ее будут далеко не те, про которые говорят, что они неисчерпаемы. Ну да ничего! Нам и это на руку, потому что голодному рту не до горячего, – ему бы только мало-мальски чем-нибудь тепленьким пораспарить свое иссохшее нёбо...

II

В Москве у меня бездна литературных и университетских друзей, которые меня весьма терпят и у которых, следовательно, я удобно мог бы сложить свой страннический посох, но, послав их в душе моей к богу в рай, я по прибытии в Москву направился прямо в девственную улицу, где жил мой старинный друг, старый отставной унтер-офицер, который был кум, то есть у которого, благодарение создателю, мне довелось привести «в крещеную веру» троих детей.

В девственной улице я не заметил никакой перемены. В сравнении с другими столичными улицами она была тиха до мертвенности. Огни, светлевшиеся из окон ее маленьких деревянных домишек, были похожи на деревянные гнилушки, которые так уныло светятся ночью из-под печки деревенской избы. Единственные признаки жизни показывала только единственная харчевня девственной улицы. Из ее тусклых окошек, освещенных каким-то красноватым светом, порой вырывались какие-то неясные звуки, по которым решительно нельзя было определить, поют ли там песни или плачут, – такие это были смешанные звуки. И временем, когда каким-нибудь гостем широко распахивалась харчевенная дверь, сердито и шумно взвизгивая на своих заржавевших петлях, звуки делались слышнее, и тогда человек неопытный, случайно проходящий по девственной улице, непременно бы остановился против заведения и пугливо прислушался к этим звукам, потому что неопытному пешеходу в них бы слышалось слово «караул» – слово, отчаянно-крикливо вырвавшееся из чьего-то горла, но остановленное на половине своего взлета и снова как бы впихнутое в это горло чьим-то лютым кулачищем.

Но я не считал этого звука за такой караул, ради которого следовало бы остановиться около харчевни, потому что мне коротко известны обычаи девственной улицы. Это был просто крупный разговор, который вел закутивший мастеровой с своею благоверной, пришедшей с целью вытащить благоверного из заведения и отвести «на покой на фатеру».

– Пош-шол вон! – кричит на жену повелительным горловым баритоном урезавший здоровую муху кутила. – Пош-шол вон! – повторяет он еще повелительнее, забывший в подпитии, что ежели хочешь прогнать откуда-нибудь свою жену, чтоб она не мешала молодецкому разверту, так нужно сказать ей вовсе не «пошел вон», а «пошла вон».

Затем начинались плаксивые тоны жены:

– Иван Прокофьич! Что же мы завтра есть станем?

– Об этом ты не горюй! Что об этом горевать – об еде-то? Эх ты, бесстыдница! О чем нашла горевать, а? Гаврик! – обращается кутила к фамильярно улыбавшемуся половому, – о чем она, дурища, горюет-то? Об еде, ха-ха-ха-ха! Пош-шол вон! – и затем муж, как глава над своею женой, употребляет даже некоторую силу и пытается пропихнуть ее в скрипучую дверь на тихую морозную улицу.

Итак, вы видите теперь, что серьезного караула в харчевне девственной улицы быть не может, потому что в конце концов, ежели караул слышится иногда из окон, веселящих улицу своим красным и, примечено мною, как-то злобно и насмешливо моргающим светом, так вовсе нечего прислушиваться к нему, потому что все это ни более, ни менее, как «своя от своих»...

Историю эту, с целью получить в конце ее незловредный караул, можно продолжать таким образом:

– Остались ли деньги-то у тебя? Ай уж все пропил? – спрашивает жена, усевшись наконец с супругом за один стол около грязного, загаженного мухами графинчика из толстого стекла с мутною водкой.

– Какие, черт, деньги? Пропивать-то мне нечего... Это уж я на сертюк валяю. Вот добрая душа, Гаврик, в двух серебра принял, а домой я и в твоём платке как-нибудь дотащусь.

Мастеровой слезливо начинает обыкновенный рассказ про то, как часто понесешь работу к барину и как, идучи к барину, рассуждаешь, что вот-де сейчас получу деньги, прямо на

рынок, искуплю там говядины, сапожки, может, али штанишки какие-нибудь старенькие не попадутся ли, а там накуплю товару – и валяй опять за работу. Чудесно! Знай денежки огребай. Рассуждаешь таким-то манером, а потом и не увидишь, как очутишься в кабаке.

– Он говорит, барин-то: «Иван Прокофьич! Ты с меня деньги-то недельки две пообожди. Знаешь, говорит, за мною не пропадет». Я ему говорю: «Знаю, что не пропадут, только, ваше благородие, мне деньги очень нужно. Сами изволите знать: жена, детей четверо...» – «У меня, – говорит барин и смеется, – у меня, может, детей-то этих штук с сорок найдется, да ведь я ни к кому не пристаю. Приходи уж через неделю, что с тобой делать, а теперь мне некогда, прощай». С тем от него и ушел, – добавляет мастеровой, возвышая голос, – а от него, с великой злости, прямо в кабак, а из кабака сюда, потому, что же я завтра без денег стану делать?

После этого крикливого вопроса и начинается, что называется, самая катавасия, потому что, кроме сюртука, принятого добродушным Гаврилой в двух рублях, чета начинает валить еще на три рубля, которые с большим удобством олицетворяет истасканный шерстяной салоп супруги.

– Видишь теперь, какая у меня супруга? – спрашивал мастеровой у полового, выставляя ему на вид собственно то обстоятельство, что супруга с видимою охотой куликнула две рюмки залпом, как бы стараясь сразу сравняться с своею главой. – Сладь у меня супруга, сговорчивая. Она мне ни в чем никогда не перечит. Что я скажу, то и баста.

Супруга между тем не без грации закусила две рюмки солониной с солеными огурчиками, а супруг продолжает:

– Мы с ней двенадцать годов душа в душу живем! Гаврил! Слушай, я тебе расскажу, как я женился на ней. Она в это время молодая была и из лица не в пример теперешнего красивее; а князь, у кого она в то время на содержании была, призывает меня и говорит: «Вот тебе, Иван Прокофьев, невеста! Ты, говорит, с ней не пропадешь, потому приданого за ней даю сто рублей, акромья, говорит, постели и разных вещей...» Я ему и говорю: «Покорнейше благодарим, ваше сиятельство!» Сказал так-то и женился; а она, шельма этакая, целый год после законного брака шаталась к нему, к князишку-то своему. Вот она, Гаврил, какая изверг у меня! Ты, Гаврил, не гляди на нее, что она такую смиренной глядит. Шельма она у меня преестественная, Гаврил! Ты думаешь, милый человек, через кого я теперича погибаю, – через нее, через анафему! Вот через кого! У! Будь ты проклята! Возьму вот да как начну по морде-то охаживать, так не бойсь забудешь про княжество-то про свое!

Половой, слушая эти излияния, мялся на одном месте и насмешливо улыбался с видом человека, который, ежели бы не стеснялся своим лакейским положением, непременно сказал бы:

«Комиссия, право, эти женитьбы нашенские!.. Что криво да косо, то Кузьме-Демьяну... Всегда уж нашему брату-мастеровому, бедному человеку, такую-то сволочь подсунут, что целый век казнишься да страдаешь, глядя, как она кровные мужнины деньги, на офицеров прохожих любующись, на чаях да на кофиях проживает!.. Идолы бабенки, а паче тот идол, кто их, тонкостям этим научимши, нашему брату на шею наваливает...»

– Ты вот что, – отнеслась достаточно уже выпившая супруга к мужу, – ты поменьше болтай, а то ведь за болтанье-то вашего брата по щекам лупят...

– Ну, уж ты с этим делом, надо полагать, подождешь немного, по щекам-то. Право, подождешь! – сатирически предполагает муж, выпивая приличный чину и званию столичного башмачника стакашек.

– Нет, не подожду, – настаивает супруга, выпивая тоже приличный стакан. – Долго я тебя, пьяного дурака, не учила.

– Вряд ли выучишь. Я тебя, пожалуй, поскорее поучу.

– Ну, уж это не хочешь ли вот чего? – осведомляется супруга, повертывая перед очами возлюбленного послушавленный кукиш.

– А ты не хочешь ли вот чего? – в свою очередь, любопытствует супруг, ухватив супругу за жидкие космы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.